

Ольга Коробкова

Идите лесом...
инквизитор!

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К68

Оформление обложки *Chinchilka*

Художественное оформление *Алены Шороховой*

Коробкова, Ольга.

К68 Идите лесом... инквизитор! / Ольга Коробкова. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с. — (Румперия. Дыхание магии).

ISBN 978-5-04-235762-6

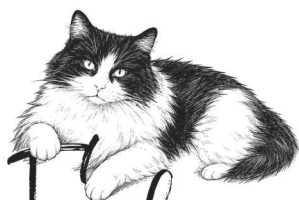
Велена привыкла к тихой жизни: немного магии, уютный дом и никаких неприятностей. Но однажды неудачно сработавший приворот сводит ее с племянником инквизитора, который теперь уверен, что Велена — любовь всей его жизни. А сам главный инквизитор Элайджа считает ведьму опасной преступницей и предлагает ей сделку, от которой невозможно отказаться. И чем ближе Велена узнает сурового инквизитора, тем сложнее ей поверить, что между ними действительно лишь неприязнь и подозрения. Пока вокруг происходят загадочные убийства, а за Веленой кто-то следит, граница между враждой и притяжением становится все тоньше.

Что, если самый опасный человек в жизни ведьмы окажется тем, кто способен растопить ее сердце? И можно ли довериться мужчине, который должен был первым отправить ее на костер?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235762-6

© Ольга Коробкова, 2026.
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

Утро не может быть хорошим

— Выходи на бой, чудище! — прогремел бас за дверью, и я застонала, уткнувшись лицом в подушку.

Голова казалась чугунной, во рту — пустыня после песчаной бури. Ну зачем я вчера смешала напитки? Вечер-то был отличный, но утро... утро — катастрофа.

— Выходи, гадина! — не унимался неведомый громила.

С трудом оторвав голову от подушки, я поплелась к двери. В душе зрело твердое намерение превратить нахала в жабу. Или в крысу. На худой конец — в очень грустный кактус.

Распахнув дверь, я прохрипела:

— Мужик, тебе че надо?

Гость замер, выпучил глаза и пробормотал:

— Да чтоб меня черти жрали... Чудище!

Я окинула его взглядом. Молодой, крепкий, но с головой явно не в ладах. Кто в здравом уме суется к ведьме с утра пораньше? Особенно если накануне эта ведьма была на шабаше...

— Могу устроить, — процедила я, поправляя съехавшую набок ночную сорочку с вышитыми летучими мышами. — Че тебе надо, смертник?

— Я пришел отомстить за погубленный урожай! — взревел он, потрясая кулаком. — Меня наняли, чтобы я покарал ведьму, сделавшую это!

Я окинула говорившего взглядом.

— А где урожай-то сгублен? И вообще, с чего ты решил, что это я?

— В Сосновках, а ты ближайшая ведьма.

— Сосновки, говоришь? — Я скрестила руки на груди, стараясь не зевать во весь рот. — А ты, герой-одиночка, в курсе, что у нас в округе еще три ведьмы числятся?

Мужик замялся, почесал затылок под потрепанным шлемом:

— Так мне сказали... ближайшая. Да и вид у тебя подозрительный.

Я фыркнула, откинув с лица спутанные волосы:

— Вид? А ты сам-то в зеркало давно смотрелся? Наемник называется. Даже меч криво висит.

Он машинально поправил перевязь, покраснел:

— Я... я тренируюсь!

— Вижу. — Я прислонилась к косяку, оценивая ситуацию. — Ладно, допустим, ты меня нашел. И что дальше? Будешь махать ржавым клинком перед носом у сонной ведьмы?

— Я... — он замялся, явно не ожидая такого поворота, — я должен тебя покарать! За урожай!

— Слушай, — я выпрямилась, стараясь говорить как можно убедительнее, — давай-ка разберемся по-человечески. Покажи мне этот «сгубленный» урожай. Если действительно моя работа — отвечу по всей строгости ведьмовского кодекса. А если нет, ты мне моральный ущерб компенсируешь. За бессонные ночи, испорчен-

ное настроение и... — я демонстративно потянулась, — за прерванный сон.

Мужик поерзал, явно сомневаясь.

— Ну... мне просто сказали, что ты...

— Что? — Я приподняла бровь. — Что я ночью летала над полями и шептала проклятия? Или что я подсыпала в землю толченые жабы лапки?

Он покраснел еще сильнее.

— Э-э-э... ну, типа того, — пробормотал он себе под нос. — Так это... я пошел?

— Иди-иди.

М-да, тяжело быть ведьмой. Честное слово, как что не так, сразу виновата. Ну где справедливость-то?

Вернувшись обратно, я бросила взгляд на кровать и поняла, что уже не усну. Зараза! Есть у меня такая особенность — если разбудили, то второй раз никак не уснуть. Я поставила чайник и насыпала в кружку побольше бодрящего отвара, сейчас он мне точно не повредит.

Я помешала отвар ложкой, наблюдая, как золотистые крупинки медленно оседают на дно кружки. Запах мяты и зверобоя наполнил кухню, но даже он не мог прогнать навязчивое ощущение надвигающейся бури — не только в небе, но и в жизни.

«Пять деревень, — мысленно повторила я. — И ни одной души, которая бы поняла, каково это — быть ведьмой в глуши».

За окном щебетали птицы, солнце играло в листве, а мне все равно казалось, будто мир затаил дыхание. Рука ныла все сильнее — верный знак, что стихия не в настроении. Я подняла ладонь и попыталась уловить дуновение ветра, но он ускользал, будто дразнил.

«Недостаточно сильна, — снова кольнула горькая мысль. — Недостаточно...»

Я отставила кружку и подошла к окну. Вдалеке, за густыми кронами, виднелись крыши Сосновок. Интерес-

но, что там на самом деле случилось с урожаем? Может, просто болезнь растений? Или кто-то из соседей решил подставить меня? Ведьмы — удобные мишени для людских страхов.

«Тишина и покой», — напомнила я себе. Но сегодня тишина казалась обманчивой, а покой — хрупким, как утренний иней.

Я достала из шкафа потрепанный дневник, провела пальцами по тисненому узору на обложке. В нем записи о каждом знаке, каждом предзнаменовании, каждой неудачной попытке договориться с ветром или дождем. Может, там найдется что-то, что поможет понять, чего ждет природа — и чего ждать мне.

Открыла на случайной странице. Строки расплывались перед глазами, но одна фраза вдруг бросилась в глаза:

«Когда рука ноет, а солнце светит — жди не погоды, а перемен. Не всегда плохих. Иногда просто... других».

Я замерла. Перемен? Каких?

— Опять перепила? — На пороге возник черный кот Баламут. — Говорил же, не мешай сорта, голова болеть будет.

— А ты где ходишь? Если кто-то из деревенских предъявит мне говорящих котят, сам воспитывать будешь!

— Не бойсь, таких не будет. Я уникальный.

Да, Баламут достался мне по наследству от прошлой ведьмы. Та, к сожалению, умерла от старости, кот остался жить в доме, а у меня рука не поднялась его выгнать. Я и подумать не могла, что этот гад разговаривает, да еще и мерзкий характер будет показывать. Тем не менее временами нам удавалось ладить.

— Не забудь, тебе сегодня в Выселки надо, там роженица.

— Помню, — отмахнулась я, допивая настой и собираясь в душ.

Да, жизнь вдали от цивилизации имела свои минусы, и один из них — отсутствие нормальной канализации. Но бывшая владелица дома любила комфорт, так что летний душ имелся, зимой же приходилось топить баню. Не любила я это дело, мучительно и долго.

Самым сложным было уложить вьющиеся белокурые пряди, они вечно торчали в разные стороны и доводили до белого каления. Пару раз даже возникала мысль остричь их, но я тут же отгоняла ее, как только представляла, что из этого выйдет.

Да, глядя на меня и не скажешь, что ведьма, — голубоглазая блондинка с фигурой, напоминающей песочные часы. Чаще всего меня принимали за глупышку, занятую поисками богатого мужа. Наивные. Кому этот муж вообще нужен? Ведьмы любят свободу.

— Я бы на твоём месте так корсет не затягивал, — посоветовал Баламут. — А то кузнец шею свернет от счастья или зубы трактирщику выбьёт.

— Почему я должна скрывать то, чем одарила меня природа? — возмутилась я, поправляя грудь. — К тому же ведьма я свободная, что хочу, то и творю.

— И не вздумай опять баню топить в одиночку! — проворчал Баламут, устраиваясь на подоконнике и лениво помахивая хвостом. — В прошлый раз чуть дом не спалила.

— Да помню я, помню, — буркнула я. — Попрошу мужиков из деревни помочь.

Кот фыркнул, явно не разделяя моего оптимизма:

— Мужики твои только языком чесать горазды. «Ведьма, помоги! Ведьма, спаси!» — а как дело до дела, так все в кусты.

Я натянула платье через голову, поправила ворот:

— Ну не ты же мне будешь дрова носить.

— А почему бы и нет? — Баламут приподнял бровь, что для кота выглядело весьма выразительно. — Между прочим, я могу и телекинезом...

— Только попробуй! — резко обернулась я. — Если хоть одна вещь в доме начнет летать, я тебя в мешок и в реку!

Кот ухмыльнулся. Да-да, именно ухмыльнулся — у него это отлично получалось.

— Боишься, покажу, кто тут на самом деле хозяин?

— Боюсь, деревенские увидят летающую кастрюлю и решат, что я окончательно свихнулась.

Я подошла к зеркалу, пытаюсь привести в порядок волосы. Они, как назло, торчали в разные стороны, будто я провела ночь в гнезде у сороки.

— Кстати, насчет Выселок, — вдруг вспомнил Баламут, меняя тон на серьезный. — Там не только роженица. Старуха Глафира шептала на рынке, что у них в колодцах вода мутнеет.

Я замерла, держа в руках гребень.

— Мутнеет? Как именно?

— Говорят, будто со дна песок поднимается, хотя никаких дождей не было. И вкус у воды странный стал.

Это уже серьезно. Вода — стихия капризная, а если ее что-то тревожит...

— Ладно, — я отложила гребень, — сначала роженица, потом колодец. Но ты со мной пойдешь.

Баламут возмущенно вздыбил шерсть:

— Я?! А почему я?!

— Потому что ты уникальный, — подмигнула я ему. — И потому что ты знаешь больше, чем говоришь. Не отмазывайся, по глазам вижу.

Кот недовольно заерзал, но возражать не стал. Только пробормотал что-то вроде «вечно от нее одни неприятности». Я накинула плащ, проверила сумку: травы, нитки для швов, пузырек с успокаивающим настоем. Все на месте.

— Пошли, герой. Сегодня будет длинный день.

Баламут спрыгнул с подоконника, потянулся и, не глядя на меня, направился к двери. Я последовала за ним, чувствуя, как ноющая рука вдруг запульсировала сильнее.

«Перемены, — вспомнила я запись из дневника. — Не всегда плохие. Иногда просто... другие».

Что ж, похоже, сегодня я узнаю, что именно гласила та запись.

Выселки находились минутах в десяти лету на метле, пешком выходило намного дольше. Деревенька со своей кузней, таверной и постоянным двором насчитывала домов пятьдесят. Народ ко мне относился немного настороженно, но лишний раз на рожон не лез, ведь в случае чего бежали ко мне, ибо до магов не достучаться. Те всегда от деревенских нос воротили или требовали такую оплату, что не каждый городской житель мог себе позволить. Элита, чтоб их. Староста с широкой улыбкой уже встречал меня.

— И я рада видеть вас, староста, — сдержанно кивнула я, стараясь не выдать раздражения от столь бурного приветствия.

Он засуетился, поправляя пояс и оглядываясь по сторонам, словно искал поддержку у пустых заборов.

— Роженица... она... в общем, уже третьи сутки мучается. Бабка Марфа пыталась помочь, да говорит, не ее уровень.

Я мысленно чертыхнулась. Третьи сутки — это серьезно. Нужно было раньше звать.

— Где она?

— Да тут, рядом, в доме у колодца. Мы все приготовили, как вы в прошлый раз велели... травы, чистая вода, свечи...

— Хорошо, — перебила я. — Ведите.

Пока мы шли по узкой улочке, я невольно отмечала тревожные детали: женщины у колодцев перешептывались, дети прятались за мамкиными подолами, из-за заборов доносилось нервное кудахтанье кур. Недоброе волнение витало в воздухе.

Баламут, шедший рядом, вдруг замер, принюхался и тихо прошипел:

— Вода... пахнет неправильно.

Я остановилась и прислушалась к себе. Рука ныла все сильнее, а в груди нарастало неприятное предчувствие.

— Староста, — обернулась я, — а колодцы ваши... все одинаково мутные?

Он побледнел, замялся:

— Э-э-э... ну, в общем-то, да. Только мы думали, это временное... может, земля сдвинулась...

— Ничего не сдвинулось, — отрезала я. — Кто-то или что-то тревожит воду. И пока мы это не выясним, любая помощь будет неполной.

Мы подошли к небольшому дому с резными ставнями. Из окон доносились приглушенные стоны. У крыльца толпились родственницы, все как одна в темных платках, с бледными лицами.

— Ну что, — я поправила сумку, — приступим.

Одна из женщин бросилась открывать дверь.

— Ох, госпожа ведьма, спасите ее, умоляем!

Я переступила порог, чувствуя, как от тревоги сгущается воздух. Баламут скользнул следом, прижимаясь к моей ноге.

«Только бы успеть», — мелькнула мысль.

В комнате у кровати сидела пожилая женщина с мокрым полотенцем в руках. На постели металась девушка, лицо ее было искажено от боли.

— Давно так? — спросила я, подходя ближе и доставая пузырек с настоем.

— С рассвета третьего дня, — прошептала бабка Марфа, опуская глаза. — Я делала все, что знала... но...

Я кивнула, понимая, что время на исходе. Отлила настой в кружку, добавила пару капель из другого пузырька.

— Пейте, — протянула девушке. — Это облегчит боль и поможет собраться с силами.

Та с трудом приподнялась, сделала глоток, закашлялась, но потом расслабилась.

— А теперь, — я повернулась к собравшимся, — все вон. Мне нужно работать. И пришлите кого-нибудь с горячей водой и чистыми тряпками.

Когда комната опустела, я достала из сумки мешочек с сухими травами, рассыпала их по углам и зажгла свечу. Баламут устроился на подоконнике, внимательно наблюдая.

— Ну что, друг, — тихо сказала я, — пора показать, на что мы способны.

Я закрыла глаза, сосредоточилась, пытаюсь уловить ритм дыхания девушки, биение ее сердца, движение сил внутри нее. Рука пульсировала все сильнее, но теперь я знала — это не просто боль. Это знак.

«Перемены», — снова всплыло в памяти.

И в этот момент свеча дрогнула, а тени на стенах ожили.

Они тянулись ко мне, словно тонкие пальцы. Я сосредоточилась, пропуская сквозь себя дыхание роженицы, улавливая биение ее сердца — неровное, испуганное.

«Спокойно, — мысленно обратилась я к ней. — Я с тобой».

Свеча вспыхнула ярче, озарив комнату янтарным светом. Травы на полу зашипели, выпуская едва заметный дымок с ароматом луговых цветов. Баламут прижал уши, но не двинулся с места.

— Держи связь, — шепнула я коту. — Если что-то пойдет не так...

Он коротко мяукнул — понял.

Я положила ладони на живот девушки. Тепло разлилось по пальцам, пульсируя в такт с моей ноющей рукой. Перед глазами замелькали образы: темная вода, вихрь на поверхности колодца, чей-то силуэт в тумане...

«Вода... она связана...»

— Не отвлекайся, — прошипел Баламут.

Я сглотнула, вернувшись мыслями к роженице. Ее дыхание стало ровным, мышцы расслабились, но что-то все еще мешало. Что-то извне.

«Колодцы», — вдруг осознала я.

Не разрывая контакта, я мысленно потянулась к источнику беспокойства. Увидела: три колодца в разных концах деревни, их темные зевы, мутная вода, в которой кружились песчинки, словно в бурлящем котле. И в центре каждого — крошечный вихрь, вибрирующий, как и моя рука.

«Это не случайность. Кто-то намеренно тревожит воду».

— Баламут, — прошептала я, не отнимая рук. — Беги к первому колодцу. Найди знак. Что-то нечеловеческое.

Кот без звука соскочил с подоконника и выскользнул в приоткрытую дверь.

Я снова сосредоточилась на девушке. Теперь я видела не только ее тело, но и тонкую нить, связывающую ее с водной стихией. Нить была натянута до предела, вот-вот порвется.

«Нельзя допустить».

Я вдохнула глубже и призвала силу, которую так редко осмеливалась использовать. Теплый поток побежал по венам, собрался в ладонях. Я направила его, формируя щит вокруг уязвимой нити, укрепляя ее.

Свеча погасла. В тот же миг комната наполнилась призрачным светом — то были травы, излучавшие мягкое зеленое сияние. Роженица распахнула глаза, и напряжение, сковывавшее ее черты, постепенно растаяло — лицо разгладилось, словно по волшебству, на губах промелькнула тень безмятежной улыбки.

«Работает», — с облегчением подумала я.

Но тут в окно влетела тень. Баламут приземлился на пол, держа в зубах что-то блестящее.

— Нашел, — прохрипел он, бросая предмет у моих ног.

Это был маленький стеклянный шар, внутри которого кружился темный вихрь. На поверхности виднелись выгравированные руны — чужие, незнакомые.

«Артефакт, — поняла я. — Кто-то намеренно нарушил баланс воды».

Я подняла взгляд на окно. Вдалеке, за крышами домов, клубились тучи — там, где находились колодцы.

«Это только начало».

Но главное было сделано. Роженица тихо застонала, ее тело дрогнуло — и в следующий миг комната наполнилась слабым, но уверенным криком новорожденного. Я опустилась на стул, чувствуя, как уходит напряжение. Баламут подошел, ткнулся головой в мою ладонь.

— Молодец, — прошептала я. — Но у нас еще много работы.

За окном по земле ударили первые капли дождя.

Я осторожно подошла к новорожденному, осмотрела его — крепкий, здоровый малыш с ясным взглядом и сильным голосом. Материнское счастье уже пробивалось сквозь усталость на лице роженицы.

— Все хорошо, — тихо сказала я, накрывая ее теплой байковой тканью. — Теперь отдыхайте. Через три дня я зайду проверить вас обоих.

Она попыталась что-то сказать, но я лишь мягко улыбнулась и покачала головой.

— Молчите. Слова сейчас излишни.

Выйдя на крыльцо, я глубоко вдохнула. Свежий воздух был пропитан запахом дождя. Баламут терся о мои ноги.

— Ну что, герой, — позвала я, — пора разбираться с колодцами.

— А поесть? — недовольно пробурчал кот. — Я, между прочим, артефакт добывал, не спал, нервничал...

— После всего накормлю как короля, — пообещала я, доставая из сумки небольшой кристалл. — А пока держи.

Я протянула ему камень, и Баламут, мгновенно забыв о претензиях, схватил его зубами. Кристалл служил ему источником энергии — не то чтобы жизненно необходимой, но весьма приятной. Мы направились к первому колодцу. Дождь усиливался, капли стучали по крышам и земле, смывая пыль и тревоги. Но я чувствовала: это не обычный дождь. Вода была... настороженной. У колодца я остановилась, внимательно осматривая его борт. Следы магии были явными — едва заметные завихрения в воздухе, странный блеск на камнях.

— Вижу еще один шар, — сообщил Баламут, указывая носом на выступ. — Точно такой же, как первый.

Я осторожно сняла артефакт. Руны на его поверхности пульсировали тусклым светом.

— Кто-то устанавливает их у каждого колодца, — пробормотала я. — Пытается нарушить баланс воды во всей округе.

— И что это даст? — спросил кот, настороженно принюхиваясь.

— Вода — основа жизни. Если ее сила исказится, начнутся болезни, неурожаи, а потом и... — Я не договорила, заметив движение в тени соседнего дома.

Там, притаившись за углом, стоял человек. Даже в полумраке я разглядела длинный плащ и капюшон, скрывающий лицо.

— Эй! — крикнула я, делая шаг вперед. — Кто вы?!

Фигура метнулась прочь, растворилась в дожде.

— Черт!

Я бросилась было следом, но Баламут преградил путь.

— Не трать силы. Он знает эти улочки лучше.

Я остановилась, сжимая в руке артефакт.

— Нужно собрать все шары, — решительно сказала я. — Пока не поймем, кто и зачем это делает, нельзя оставлять их здесь.

— А потом? — поинтересовался кот, отряхиваясь от капель.

— Потом найдем того, кто за этим стоит. — Я подняла взгляд к небу, где тучи продолжали сгущаться. — И заставим ответить.

Баламут кивнул, и мы двинулись к следующему колодцу. Дождь стучал по земле, словно отбивал ритм нашего расследования. Где-то там, в глубине деревни, ждал новый артефакт — и новый след, ведущий к разгадке.

Мы двигались от колодца к колодцу, и с каждым найденным артефактом мое беспокойство росло. Все шары были идентичны: стекло, пульсирующий вихрь внутри, руны неизвестного происхождения. Кто-то потрудился на славу — работа тонкая, продуманная.

У пятого колодца Баламут вдруг замер, пригнувшись.

— Чувствуешь? Здесь пахнет... железом. И еще чем-то горьким.

Я присела, внимательно осматривая землю. Среди мокрых листьев и грязи виднелись едва заметные следы — не человеческие. Слишком ровные, почти гео-